

Первые раненые индусы въ английскомъ госпиталѣ.

Панъ Іезусъ.

Разсказъ **Сергѣя Городецкаго.**

Съ той минуты, какъ старая Казимира, взобравшись съ великимъ трудомъ на косогоръ,—последній, который ей надо было преодолѣть въ ея тяжеломъ пути,—увидѣла въ золотомъ туманѣ холоднаго осенняго утра твердыя и непреклонныя очертанія своего костела, въ ней вспыхнула неудержимая, неодолимая радость.

— Панъ Іезусъ!—воскликнула она въ восторгѣ и съ горячими слезами припала къ мерзлой землѣ. — Панъ Іезусъ!

Ея радость была такая, какъ будто ей сейчасъ подарили жизнь.

Сердце въ ней переставало стучать, когда она лѣзла на косогоръ, отъ мысли, что она можетъ не увидѣть своего костела. Все кругомъ разрушено, разорено, разгромлено и сожжено до тла. Такъ зачѣмъ же было врагу шадить ея костель? И разумъ говорилъ ей, что ничего не встрѣтитъ ея глазъ на знакомомъ мѣстѣ, и только груды развалинъ найдеть она тамъ, гдѣ провела всю свою жизнь. Но наперекоръ разуму пѣла въ ней огненная вѣра.

— Панъ Іезусъ! — восклицала она всю дорогу, пока бѣжала, и вотъ увидѣла свой костель.

Не можетъ быть, чтобы его совсѣмъ не повредили. Но было чудомъ и то, что онъ стоялъ тамъ, гдѣ всегда, суровый и строгій, мощный и неподвижный.

Переведя духъ, Казимира оглянулась вокругъ. Изрытая, истоптанная, измученная земля лежала вокругъ нея. Она почти не узнавала мѣстности. Гдѣ тянулся лѣсъ, тамъ ничего теперь не было, гдѣ грудились купы липъ и ивъ надъ усадьбами, пусто

было теперь; только дороги, какъ изсохшіе скелеты цвѣтушей еще такъ недавно земли, плели привычный узоръ предъ глазами Казимиры. Нѣтъ, не родись она тутъ и не проводи всю жизнь до несчастной старости, не знай она каждаго бугра и оврага,—ни за что бы не повѣрила, что предъ ней ея мѣста.

До костела еще надо было бѣжать верстъ пять. Но послѣдніе эти пять верстъ похожи будутъ на дорогу въ рай: костель пѣлъ, и онъ все время будетъ теперь предъ глазами. Но каково было старухѣ бѣжать пятнадцать верстъ до этого косогора, объ этомъ лучше всего говорилъ ея истерзанный видъ.

Еще темно было, когда она вышла изъ мѣстечка, услышавъ вѣсть освобожденія, вѣсть воскресенія, вѣсть жизни, вѣсть побѣды: нѣмцы уходятъ, нѣмцы ушли.

Какъ разбитая, лежала она, ничего не пила, не ѣла. Но откуда-то взялись у нея силы, и побѣжала она въ свой мѣста. Ее гнала мечта первой войти въ костель, первой облобызать его порогъ, если пѣлъ костель, а если...

Тогда она умереть тамъ же, на развалинахъ, Казимира, старая нищенка.

Ужъ она такъ давно нищенствовала, что забыла все другое: молодость, сытую жизнь, которой и ей досталось немного, домъ свой, мужа и ребенка, которые и у нея были недолго. И вся ея нищенская жизнь связана была съ костеломъ. Она не смѣла входить внутрь, гдѣ сидятъ важныя, хорошо одѣтые прихожане. Она всегда жалась у порога, у замкнутыхъ стѣнъ. Но и съ порога ей было видно высокое распятіе. Какъ всѣ, могла восклицать она: «Панъ Іезусъ!»—и распростиралась предъ нимъ въ экстазѣ.

Какъ же ей было не любить костела, и какъ же ей было бы не умереть, если бы онъ не уцѣлѣлъ?

Но костель уцѣлѣлъ, и вотъ она шла къ нему, и дорога ея по измученнымъ полямъ была лучше, чѣмъ благоуханный путь въ рай.

Тихо она шла теперь, наслаждаясь тѣмъ, что идетъ, поправляя развѣянные сѣдые волосы и ровнѣе запахивая истлѣвшій платокъ на груди.

Все ближе темнѣли стѣны костела.

Черныя пепелища все чаще попадались ей на глаза. Память называла ей, гдѣ что было. Но разоренье не трогало ея сердца: костель былъ цѣлъ. Упорно казалось ей, что она идетъ на пышный праздникъ и увидитъ сейчасъ подъ стѣнами костела лиловыхъ, въ кружевахъ, ксендзовъ и самого архіепископа подъ балдахиномъ.

Воронье лѣнивыми тучами снималось съ земли предъ ней, кружилось въ воздухѣ и опять садилось. Она не слышала карканья, не видѣла черныхъ вороньихъ тучъ.

Она шла и шла. Вотъ осталось одолѣть только послѣдній пригорокъ. Ограда разрушена, на мѣстѣ ксендзова дома — обгорѣлыя трубы. А какой садъ былъ у него, какія яблоки! Вотъ тутъ была улица, тутъ начинались дома мѣстечка. Костель величаво подымался надъ людскими жилищами, а теперь стоитъ онъ, какъ въ пустынѣ.

Задыхаясь добѣжала Казимира до стѣны костела. Нехватило силъ больше. Припала она, лила слезы и цѣловала холодный, влажный мохъ. Въ прошломъ году у этого угла стояла исповѣдальня, гдѣ отдавала она свои грѣхи.

— Панъ Іезусъ! Панъ Іезусъ!—шептала Казимира.

Слезы освѣдили ее.

Она встала съ колѣнъ, пошла ко входу. Толкнула тихонько дверь, вошла. И застонала отъ ужаса и страха.

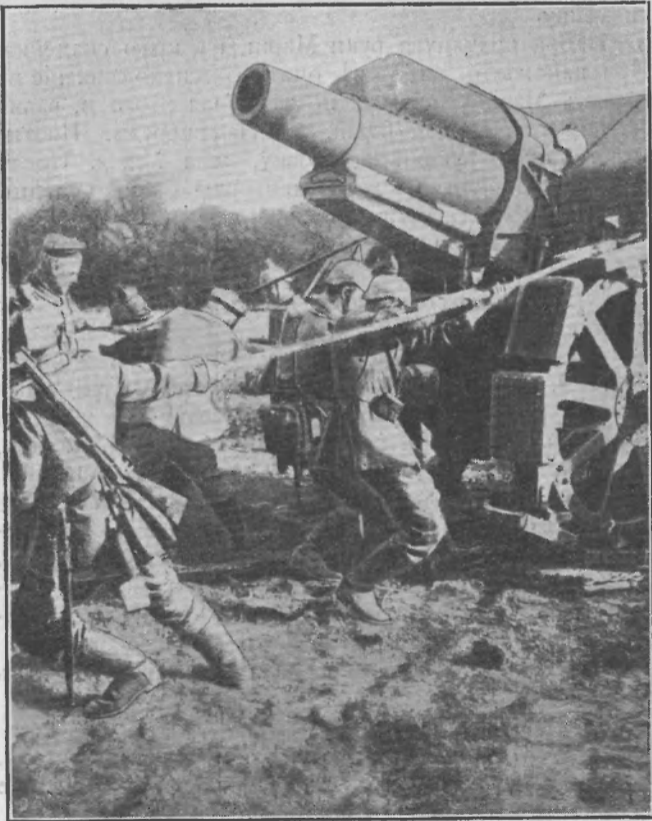
Половина крыши была сорвана. Готовыя рухнуть, нависали старыя балки. Весь полъ закиданъ былъ грязной соломой. Тутъ была конюшня. На престолѣ валялись бутылки: у ксендза въ погребѣ былъ запасъ старинныхъ настоекъ и наливокъ.

Безсильная ярость охватила Казимиру. Она заматалась по костелу, подымая руки къ небу и посылая врагамъ проклятія. На звукъ ея голоса сверху свалилось нѣсколько черепицъ, звонко ударившихся о полъ. Это возвратило Казимирѣ память.

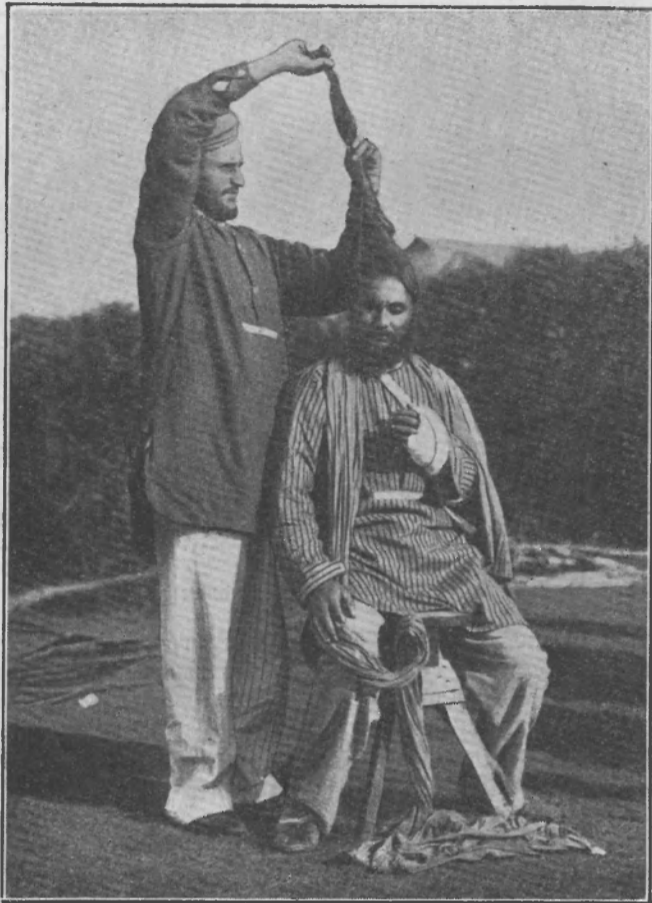
Она вытерла глаза, подсучила юбку и рукава. Въ ней прснулась хозяйка. Ей приходилось и прежде убирать въ костелѣ послѣ службы, мыть полы и скамейки. Она рѣшила немедленно приняться за дѣло.

Но какъ приняться? Съ чего начинать? Надо бы прежде всего вынести скамейки, нагроможденные ввидѣ перегородокъ для стойлъ. Но Казимира помнила, какія онѣ длинныя и тяжелыя. Ей одной не справиться. Если-бъ кого нибудь найти, хоть одного еще человѣка! Она вышла изъ двери, поглядѣла по сторонамъ. На нее пахнуло гарью съ пожарища. Ей стало страшно, что она одна тутъ. Хоть бы собака завывла.

Постоявъ она вернулась въ костелъ, тихо пошла къ престолу. Непривычно ей было идти такъ далеко отъ дверей. Казался ей костелъ большимъ, какъ поле. Опустилась она на колѣна, сложила руки. Немного знала она молитвъ, и не было у нея подходящей. Она стала шептать свою молитву Пану Іезусу. Она просила прощенья, что коснется престола его, котораго не смѣетъ касаться. Вѣдь она—старая служанка

Установка знаменитой 42-хдюймовой мортиры.

Раненые индусы заплетаютъ другъ другу косы.

Пана Іезуса. Если-бъ былъ ксендзъ, онъ самъ бы прибралъ престолъ. Но ксендзъ навѣрно убитъ. Пусть же проститъ Панъ Іезусъ старую нищенку Казимиру.

Кончивъ молитву, она поднялась къ престолу, сняла бутылки, положила ихъ въ подолъ. Сладкій запахъ настоекъ ударилъ ей въ голову, но она скрыла отъ самой себя, что замѣтила это, хоть и была пьяницей. Впрочемъ она замѣтила и другое, что всполошило ее сильнѣй, чѣмъ алкоголь. Ей показалось, что бутылки звякнули похоже на женскіи стонъ. Это навѣрно только показалось. Сильнѣе же всего ее пугало то, что за престоломъ не было креста. Она боялась заглянуть за престолъ, чтобъ не увидѣть креста поваленнымъ.

Возвратилась она съ метелкой, которую нашла въ стѣнномъ шкафикѣ. Обычно сторожъ обметалъ ею скамейки. Теперь она очень пригодилась Казимирѣ. Надо было смахнуть битое стекло—пили безъ стакановъ, не откупоривая, а прямо отбивая горла. И опять сквозь звяканье битаго стекла Казимирѣ слышался какой-то человѣческій звукъ.

Она поднялась на цыпочки и глянула за престолъ.

Ноги у нея подкосились, она чуть не упала. А вскрикнула она такъ, что сама не повѣрила-бъ своему голосу, если-бъ страхъ не помѣшалъ ей слышать его.

За престоломъ лежала дѣвушка, совсѣмъ нагая. Грубыми веревками кисти ея рукъ и ногъ, а ея шея русой ея же косой привязаны были къ кресту. Бѣлое тѣло ея было покрыто синяками, губы ея и щеки были искусаны. Можно было-бъ принять ее за мертвую,

Бельгиские стрѣлки за баррикадой.

если-бъ не безумная бѣготня ея огромныхъ глазъ; можно было-бъ спросить ее, какъ разумную, если-бъ не дикая улыбка ея распухшихъ и посинѣвшихъ губъ.

И какъ въ тотъ мигъ, когда она коснулась замешенной стѣны костела, у Казимиры и надъ дѣвушкой не нашлось другого вопля, другой молитвы, прибѣжиша другого, чѣмъ Панъ Іезусъ.

Имя Его она призвала съ отчаяньемъ и огненной вѣрой.

Она сразу узнала дѣвушку.

Это была Марія, служанка ксендза.

Марія—красавица, о которой знали далеко вокругъ, о которой даже въ газетѣ, въ самой Вильнѣ, напечатаны были стихи.

Марія, которой столько жениховъ добивалось и у которой глаза загорались только тогда, когда она призывала Пана Іезуса.

А другихъ глазъ такихъ нигдѣ не было. Казимира себя считала первой въ прежнее время красавицей, а въ теперешнее—Марію. Синіе были у Маріи глаза, и, какъ два василька во ржи, синѣли они въ золотыхъ рѣсницахъ.

И вотъ она, красавица Марія, лежала теперь предъ Казимірой.

Распята, поруганная, замученная, полуживая.

Панъ Іезусъ, Панъ Іезусъ!

Потерявшая разумъ отъ мукъ нестерпимыхъ, безумная, несчастная.

Панъ Іезусъ, Панъ Іезусъ!

Но вѣдь и храмъ Твой оскверненъ и поруганъ, Панъ Іезусъ!

И развѣ дѣвушку эту Ты не примешь въ святія?

Панъ Іезусъ, Панъ Іезусъ!

Какія проклятыя у нихъ веревки, а ножа нѣтъ никакого! Съ трудомъ великимъ отвязала Казимира руки и ноги Маріи, распутала косу на шеѣ. Онѣмѣвшись, холодныя руки и ноги. Какъ еще не отмерзли! На Казимирѣ вязаный шерстяной платокъ. Больше ничего нѣтъ шерстяного, а платокъ чистой шерсти. шерстью хорошо оттирать. Оттерла Казимира руки и ноги. Отобрала соломы почище, обвязала ею ноги до колѣнъ. Вспомнилась ей, что въ стѣнномъ шкафу висѣло у сторожа теплое пальто; надѣвалъ онъ его осенью по утрамъ, убирая костелъ. Побѣ-

жала она къ шкафу, принесла пальто, надѣла на Марію, посадила ее, принесла воды, умыла, косу заплела, посмотрѣла на нее, обняла ее крѣпко.

— Марія!—сказала Казимира:—слышишь ты меня?

Слыла дикая улыбка съ губъ дѣвушки, глаза остановились. Просто-напросто она странно.

— Ну, вотъ видишь, ты меня поняла!—воскликнула Казимира:—давай же убирать костелъ, скамейки надо вынести. Можешь ли ты встать?

Она приподняла ее. Дѣвушка встала.

— Ты пить хочешь?

Напоила ее. И хлѣба кусокъ нашелся у нея въ мѣшкѣ. У нищенки всегда хлѣбъ есть.

Она свела ее со ступенекъ, прислонила къ стѣнѣ и вложила ей хлѣбъ въ руку. Жадно сверкнули бѣлые зубы Маріи. Хлѣбъ—это было первое, что

она увидѣла безумными своими глазами. И впервые тутъ пролетѣлъ въ нихъ проблескъ сознанія. Марія стала ѣсть.

Казимира не спускала съ нея глазъ. Когда хлѣбъ весь исчезъ, она спросила:

— Марія, ты что нибудь помнишь?

Дико глядѣла на нее Марія.

— Какого нибудь человѣка? Меня ты помнишь?

Ничего не отвѣчала Марія, и страшное было у нея лицо.

— Ну, давай тогда носить скамейки. Вѣдь это ты можешь дѣлать. Панъ Іезусъ тебя не совсѣмъ еще оставилъ. Ты жива, съѣла хлѣбъ. Подымай же скамейку.

И она протянула руки Маріи къ краю скамейки. При какомъ-то ея словѣ опять блеснуло сознаніе въ глазахъ Маріи. Казимира не замѣтила этого и, взявъ скамейку за другой край, пошла впередъ. Плотно ухватившись руками за доску, шла Марія. Послѣ первой скамейки онѣ вынесли вторую. Возшло солнце, стало теплѣе. Казимира все время приговаривала:

— Вотъ видишь, Марія, Панъ Іезусъ не оставилъ тебя, ты можешь работать.

И каждый разъ одно только слово изъ ея рѣчей понимала Марія.

— Ты еще молода. Будешь жить тутъ же, при костелѣ. Новый ксендзъ тебя оставитъ. Крышу починятъ. Будешь поль мести. И безумныя живутъ. Куда-жъ имъ дѣваться? Панъ Іезусъ всѣхъ любитъ, а несчастныхъ—особенно.—Такъ говорила Казимира.

И долго онѣ носили скамейки, пока всѣхъ не вынесли цѣлыхъ и сломанныхъ. Солнце было уже высоко, когда костелъ можно было начать подметать. Вымели разъ, начерно. вымели другой, начисто. Солнце золотыми снопами сыпало лучи въ костелъ. Никогда еще не было въ немъ такого сильнаго свѣта.

Отдыхая въ умиленіи стояла Казимира, сложивъ руки, и шептала:

— Панъ Іезусъ, Панъ Іезусъ!

Рядомъ съ ней стояла Марія, внимая этому слову. Она еще не могла сама его произнести, но она уже вспомнила его, она его понимала:

— Панъ Іезусъ, Панъ Іезусъ!..

Сергій Городецкій.